

Алекс Мома

Женские лики в гностицизме

Доклад на московской конференции Касталии «Лики вечной женственности» (2014 г.)

Прежде всего, следует оговориться: о женском начале в гностической традиции как минимум в последние 35 лет мы, во-первых, можем себе позволить говорить, опираясь только на сохранившиеся гностические тексты и фрагменты текстов, а не на мнения ересиологов (даже в тех редких случаях, когда эти мнения не являются предвзятыми), поскольку этих текстов уже найдено вполне достаточно. Во-вторых, следует четко разделить данный вопрос на космологическую (то есть на «женские божества» в гностицизме) и антропологическую составляющую (то есть на роль женщин-апостолов).

Возможно, эти две темы мало связаны между собой, но возможно и обратное: гностический синопсис, в котором, например, роль Марии Магдалены (которую ряд современных исследователей даже считает – как нам представляется, неправомерно – «обыкновенной земной женой» Иисуса), несомненно, более значима, чем в новозаветных текстах, позволяет объяснить, почему полубезличная библейская «Премудрость Божия» в гностической традиции превратилась в совершенно четко персонифицированную и страдающую Софию, очевидно, являющуюся «небесной сизигией» небесного же Христа.

Итак, поговорим о Марии Магдалене. Из гностической традиции, как и из новозаветной (но лишь в том случае, если внимательно читать и гностические, и новозаветные тексты, особенно в оригинале) совершенно не вытекает то, что Мария Магдалена была «проституткой», которая, повстречав Иисуса, бросила это якобы «гиблое занятие», став Его супругой.

Интересно, что эта ложная тема о первоначальной «падшести и моральной испорченности» Марии Магдалены была трансформирована ересиологами в гендерную составляющую мифа о Симоне Маге, который якобы был «первым гностиком», причем образ Симона, «повсюду таскавшего с собою проститутку Елену», был срисован с искаженного злобными фарисействующими массами образа Иисуса, «повсюду таскавшего с собой эту странную женщину по имени Мария».

В сохраненном Маркионом Синопским «Евангелии Господнем»* (глава 5), из которого позднее было слеплено новозаветное «Евангелие от Луки», сказано об исцелении Иисусом этой женщины: «Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов». Однако же эти бесы не названы ни поименно, ни с точки зрения их «инфернальных функций».

Многих авторов вводит в заблуждение даже не современная популярная пара-библейская фантастика в духе Дэна Брауна, а следующие строки одного из ключевых гностических текстов, которые якобы подтверждают версию о том, что Мария была женой или любовницей Иисуса: Евангелие от Филиппа (Наг-Хаммади, II, 3), стих 32: «Трое шли с Господом все время. Мария, Его мать, и ее сестра, и Магдалина, та, которую называли Его спутницей. Ибо Мария – Его сестра, и Его мать, и Его спутница»**. «Спутница» в данном случае означает «странствующий апостол»:

«55. [Господь любил Марию] более [всех] учеников, и Он [часто] лобзал ее [уста]. Остальные [ученики, видя] Его [любящим] Марию, сказали Ему: “Почему Ты любишь ее более всех нас?” Спаситель ответил им, Он сказал им: “Почему не люблю Я вас, как ее?”»

Совершенно очевидно, что апостолы испытывали к Марии ревность, но как к апостолу, которому уделено больше внимания, а не ревность сексуального характера (ибо знали, что секса у них не было). Кроме того, Мария была нужна Иисусу для того, чтобы на ее примере показать остальным апостолам, мужчинам, что в духовном мире не только «не женятся и замуж не выходят, но пребывают аки ангелы на небесах», но и что в духовном мире вообще, по большому счету, не существует гендерных различий.

Обратимся к стиху 118 Евангелия от Фомы: «Симон Петр сказал им: “Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни”. Иисус сказал: “Смотрите, Я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в царствие небесное”».

Кроме того, уместно вспомнить не только то обстоятельство, что Иисус осуждал т.н. прелюбодеяние, но и то, что он понимал его гораздо шире, чем Библия: «Всякий, кто посмотрел на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем».

Но вернемся к гностическим источникам. Евангелие от Марии Магдалены, частично сохранившееся в коптском переводе с греческого в Берлинском папирусе 8502, в частности, содержит фрагмент полного примирения Петра (и, судя по контексту, не только Петра) с Марией после того, как сам Иисус был казнен, а затем воскрес и явился ученикам (BG 8502, I): «“Сестра, ты знаешь, что Спаситель любил тебя больше, чем прочих женщин. Скажи нам слова Спасителя, которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты, не мы, и которые мы и не слышали”. Мария ответила и сказала: “То, что сокрыто от вас, я возвещу вам это”. И она начала говорить им такие слова: “Я, – сказала она, – я созерцала Господа в видении, и я сказала Ему: ‘Господи, я созерцала Тебя сегодня в видении’. Он ответил и сказал мне: ‘Блаженна ты, ибо ты не дрогнула при виде Меня. Ибо где ум, там сокровище’. Я сказала Ему: ‘Господи, теперь скажи: тот, кто созерцает видение, – он созерцает душой [или] духом?’ Спаситель ответил мне и сказал: ‘Он не созерцает душой и не духом, но ум [nous], который между двумя’”...». (Предыстория этого разговора описана у Маркиона в главе 21 Евангелия Господня: «То были [обнаружившие воскресшего Иисуса – А.М.] Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем Апостолам». Таким образом, изначально гностическая традиция вовсе не предполагала эксклюзивной роли Марии Магдалены также и в открытии факта воскресения Иисуса). (Стр. 10 Берлинского папируса.)

Из выделенных нами курсивом слов становится ясно, что Мария, всего лишь, оказалась посвящена в большее количество эзотерических тайн, чем другие ученики в силу того, что была способна «вместить» их все. Да, именно это обстоятельство при жизни Иисуса и являлось, главным образом, причиной апостольской ревности по отношению к ней, причем ревности, отчасти действительно замешанной на том, что сейчас назвали бы «мужским шовинизмом».

Еще один интересный текст из гностической библиотеки Наг-Хаммади («Беседа Спасителя» - Наг-Хаммади, III, 5) как бы исподволь выстраивает мост между Марией Магдалиной как земным апостолом Иисуса и ролью женщины в духовной традиции христианского Гнозиса как такового. Вот характерная фраза Иисуса из этого текста: «Всё, что родится от истины не умрет. Всё, что родится от женщины умрет» (стр. 140 Кодекса III). В этой беседе также принимает участие Мария Магдалена, причем «она говорит как женщина, понимающая всё» и при этом жаждущая «познать все вещи, как они есть» (стр. 141). И чуть ниже, там же: «Иуда сказал: “...Когда мы молимся, как мы должны молиться?” Господь сказал: “Молитесь в месте, где нет женщины”. Матфей сказал: “Молитесь в месте, где [нет женщины]” – это значит: “Разружьте труды женщины”, – не потому что есть другой способ рождения, но потому что они прекратят рожать”» (стр. 144-5 Кодекса).

Как совершенно справедливо отмечает в этой связи М.К. Трофимова, «почти следующие друг за другом эти два места красноречивее любых рассуждений говорят о том, в каких плоскостях ставится в гностицизме вопрос о женщине и как он решается (в отношении знания – положительно, в отношении рождения, плоти, мира – отрицательно)» (Мария Магдалина коптских гностических текстов // Женщина в античном мире. Сборник статей. М.: «Наука», 1995).

Отметим еще один важный момент, касающийся роли женщин: в Евангелии от Филиппа (Наг-Хаммади, II, 3), очевидно, относящемся к валентинианской традиции, есть один небольшой сюжет, подчеркивающий, что Святой Дух у гностиков был женского рода, причем сюжет этот был связан не с Софией, а с «другой Марией» – матерью Иисуса по версии ортодоксальных христиан. В целом гностическая традиция еще со времен Маркиона отрицает «факт» земного рождения Иисуса, говоря о теофании, но не о «рождестве», однако в порядке полемики с нарождающееся церковной ортодоксией упоминает это «рождение от Марии и от Духа» в ироническом ключе:

«Некоторые говорили, что Мария зачала от Духа Святого. Они заблуждаются. Того, что они говорят, они не знают. Когда (бывало, чтобы) женщина зачала от женщины?» (Стих 17).

Отметим, что тема ревности апостола Петра к Марии Магдалине трижды возникает в самом длинном и самом позднем из всех раннехристианских гностических трактатов – в Pistis Sophia, в котором, к слову сказать (и это единственный такого рода текст у гностиков), присутствуют сразу все без исключения четко персонифицированные женские образы, фигурирующие и в новозаветной традиции, начиная с девы Марии и заканчивая Марфой.

Всякий раз Иисус отвергает эти претензии Петра к Марии, и чаще всего именно Мария в тексте задает Иисусу (да и апостолам) вопросы, да и дает ответы, а также проводит гностические экзегезы Псалмов Давида через покаяния Пистис Софии (и наоборот).

Характерная цитата из текста Pistis Sophia (стр. 28 Кодекса Эскью – Askew Codex; зд. и далее этот трактат цит. по изд. 1978 г. ***): «И было, когда Мария кончила говорить эти слова, Иисус сказал: “Хорошо, Мария, ибо блаженна ты перед всеми женами, которые на земле, ибо будешь ты – Полнота (Pleroma) всяческой Полноты и совершенство всех совершенств”».

Этими словами Иисус фактически проводит эзотерическую параллель между земной женщиной Марией Магдалиной и божественной Пистис Софией, чьи покаянные гимны Мария и трактует в этом тексте столь часто.

Мы уже отмечали, что покаяния отлученной (в результате ее же собственной ошибки) от Плеромы Пистис Софии (веры-премудрости) объясняются через библейские Псалмы, а в ряде случаев и через другие фрагменты из Ветхого Завета, в котором эта самая Премудрость Божия (иудейский аналог «Софии из Плеромы») присутствует лишь в поэтико-аллегорической полуобезличенной форме.

В чем же суть этих покаянных гимнов? Во-первых, они показывают, что подлинная Премудрость, даже если речь идет о сферах божественных или близких к божественным, не является некоей «вещью в себе», но является, прежде всего, процессом (часто болезненным и мучительным), а не только состоянием; более того, и у процесса, и у состояния есть конкретный носитель, имя которого и есть София. Понятно, что в Септуагинте в ряде случаев присутствует слово Sophia, но пишется оно там, условно говоря, не как имя собственное, но как имя существительное.

Достижение того, что в библейской традиции именуется премудростью Божьей для человека и означает, что такой человек становится гностиком. Таким образом, Пистис София не только спасается сама, пытаясь исправить свою ошибку отпадения, о последствиях которой мы подробно

поговорим чуть ниже, но и спасает личным примером, явленным в этом тексте, ту самую часть человечества, которая стремится обрести Гнозис и через Гнозис – Спасение.

Центральной частью Pistis Sophia, безусловно, являются двенадцать покаянных гимнов, которые поет София Свету, желая возвращения в Плерому. Во-первых, почему их так много? Ключ к ответу на этот вопрос прост: обратное восхождение не есть некий процесс подъема на лифте с первого этажа небоскреба при помощи одного нажатия кнопки сразу на смотровую площадку, расположенную на его крыше. Это процесс многоступенчатый. Чем ниже падение, тем через большее число сфер бытия предстоит поэтапно подняться обратно. И каждую из этих сфер следует еще и «задобрить», убедив в искренности и выстраданности своего желания при помощи такого рода покаяний.

К тому же есть чисто психологическое объяснение, связанное с состоянием любого адепта эзотерического культа. Очевидно, что каждое из принесенных покаяний Софии – это ступень посвящения для адепта. А каждому посвященному известно состояние некоей духовной эйфории, ложное, но поначалу кажущееся истинным «понимание» того, что, пройдя лишь одну инициацию, он уже достиг освобождения. С приходом отрезвления приходит и понимание того, что это еще далеко не конец, и надо снова «собираться в путь». Этот психологический аспект достаточно четко прочитывается между строчек практически каждого из покаянных гимнов Софии.

Во-вторых, почему покаянных гимнов именно двенадцать? Тут можно провести параллели с додекадой, или двенадцатью высшими Эонами валентинианской Плеромы, на низших планах отраженными в виде двенадцати знаков Зодиака, двенадцати месяцев земного астрономического года (вмещающих 365 дней, или Абрахас, поскольку нумерологическое значение этого слова как раз и равно 365).

К сожалению, все существующие интерпретации Pistis на современные языки, включая и мою (которую я и цитирую), не отражают с очевидностью его поэтическую структуру. И покаяния, и экзегезы, тем не менее, достаточно интересны и в существующих русских трактовках, как мы видим это на примере Второго покаянного гимна Пистис Софии (стр. 56-60 Кодекса Эсхью):

- «(1) Свет Светов, я уверовала в Тебя. Не оставь меня во тьме до исполнения времени моего.
- (2) Помоги мне и спаси меня в Таинствах Твоих. Приложи ухо твое ко мне и спаси меня.
- (3) Да спасет меня Сила Света Твоего и да перенесет меня в Эоны Вышины, ведь Ты – Тот, кто избавит меня и возьмет в Вышину Эонов твоих.
- (4) Спаси меня, Свет, от сей Силы (Света) с мордой льва и от эманаций божества сего, Дерзкого.
- (5) Ведь Ты, Свет, – Тот, в чей Свет я уверовала, и в чей Свет я верила изначально.
- (6) И я уверовала в него с того мгновения, когда он эманировал меня. И Ты, действительно, Тот, Кто побудил меня эманировать. А я, взаправду, изначально уверовала в Твой Свет.
- (7) И когда я уверовала в Тебя, Архонты Эонов глумились надо мной, говоря: она прекратила [вершить] свое Таинство. Ты – Тот, Кто спасет меня. И Ты – Спаситель мой. И Ты, Свет, – Таинство мое.
- (8) Уста мои были преисполнены славой, чтобы я могла поведать Таинство величия Твоего на все времена.
- (9) А нынче, Свет, не оставь меня в Хаосе, пока исполняется всё мое время. Не покидай меня, Свет.
- (10) Ведь вся Сила Света моя была отобрана у меня. И все Эманации Дерзкого окружили меня. Они хотели полностью отобрать у меня весь мой Свет, и возжаждали они Силы моей.
- (11) И сказали они одновременно друг другу: ‘Свет покинул ее; давайте схватим ее и заберем у нее весь Свет’.
- (12) Оттого, Свет, не отворачивайся от меня. Обратись, Свет, и спаси меня от немилости.
- (13) Да падут и обессилят те, кто хотят похитить мою Силу. Да погрузятся во Тьму и обессилят те, кто хотят забрать у меня мою Силу Света”».

Далее в тексте следует экзегеза этого покаяния, данная апостолом Петром через Псалом 70, где 13 стихам покаяния Пистис Софии соответствует 13 же стихов псалмопевца:

- «(1) В Тебе, Боже, Бог мой, утвердился я, да не постыжусь вовек.
- (2) Правдой Твоею избавь меня и освободи меня; преклони ухо твое ко мне и спаси меня.
- (3) Будь мне Богом-Силой и крепостью во спасение мое; ведь сила моя и прибежище мое – Ты.
- (4) Боже мой! избавь меня от руки грешного, от руки незаконного и нечестивого,
- (5) ведь Ты – стойкость моя, Господи, Ты, Господи, – надежда моя от юности моей.
- (6) На Тебе утверждался я от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей; моя память о тебе навсегда.
- (7) Для многих я стал как бы полоумным, (но) Ты твердость моя и помощник мой, Ты – Спаситель мой, Господи.
- (8) Уста мои наполнились славословиями, оттого превозносил я славу величия Твоего весь день.
- (9) Не отвергни меня в час старости; когда оскудеет душа моя, не оставь меня,
- (10) ведь злые речи рекли враги против меня и, залегшие, подстерегая душу мою, советовались между собою против души моей,
- (11) говоря тотчас: “Бог оставил его; преследуйте и схватите его, ведь нет (здесь) избавляющего его”.
- (12) Боже! Приди на помощь мне.
- (13) Да постыдятся и исчезнут те, кто клеветают против души моей, да покроются стыдом и бесчестьем ищущие мне зла!”»

Любопытно, что автор(ы) Pistis Sophia, приводя в качестве пояснения к покаяниям Софии библейские тексты, в то же время, как и полагается гностикам, пытаются выйти за рамки чисто библейской парадигмы и прибегают не только к Библии, но и, например, к таким новозаветным апокрифам, судя по всему, также написанным не ранее начала 3 столетия и, как показывает их детальный анализ, в иудеохристианской, а не в чисто иудейской среде, как Псалмы Соломона и Оды Соломона. Таким образом, авторы решили сразу две задачи: вышли за рамки нормативного иудаизма, но, в то же время, подчеркнули неразрывную связь гностической и иудейской (в широком смысле) религиозных традиций.

Как известно из гностической традиции, София как одно из трансцендентных божеств имеет ряд ипостасей, и в валентинианстве падшая ипостась Софии называлась София Ахамот. Но Гнозис, имея в виду идею разделения вообще и дуализма в частности в качестве отправной точки для объяснения необходимости Спасения, проповедуемого Иисусом, лишь отталкивается от этого дуализма, вовсе не рассматривая его как «позитивную часть» доктрины. Другими словами, доктрина гностицизма – это не доктрина о множестве богов и зонов. Часто подчеркивается, что Бог (подлинный и трансцендентный Отец Иисуса, который, конечно, не тождественен Яхве) един, хотя богов и много.

Тем не менее, помимо очень длинного и чрезвычайно трудного (для понимания неподготовленного читателя) трактата Pistis Sophia, в нашей традиции есть и еще один текст, который, как и Pistis Sophia, имеет отчетливо поэтическую размерность и поэтический характер. Это – «Гром. Совершенный Ум» (Наг-Хаммади, VI, 2). Этот текст как раз в максимально сжатой форме отражает не просто двойственную, психическую природу Софии как таковой, но то ее состояние, которое, судя по всему, предшествовало принесению ею Первого Покаяния Свету. В нем София (кстати, не называемая даже по имени, что, вероятно, призвано отразить некую стадию «предмудрости») еще не стремится каяться и всецело реинтегрироваться в Плерому, но лишь констатирует свое состояние пребывания в низшем мире «со всеми вытекающими из этого последствиями», но совершенно отчетливо – в качестве вольного или невольного посланника мира высшего:

«Я послана Силой. И я пришла к тем, кто думает обо мне. И нашли меня среди тех, кто ищет меня. Смотрите на меня те, кто думает обо мне! Те, кто слушает, да слышат меня! Те, кто ждал меня, берите меня себе. И не гоните меня с ваших глаз! И не дайте, чтобы ваш голос ненавидел меня, ни ваш слух! Да не будет не знающего меня нигде и никогда! Берегитесь, не будьте не знающими меня! Ибо я первая и последняя. Я почитаемая и презираемая. Я блудница и святая. Я жена и дева. Я мать и дочь. Я члены тела моей матери. Я неплодность, и есть множество ее сыновей. Я та, чьих браков множество, и я не была в замужестве. Я облегчающая роды и та, что не рожала. Я утешение в моих родовых муках.

Я новобрачная и новобрачный. И мой муж тот, кто породил меня. Я мать моего отца и сестра моего мужа, и он мой отпрыск. Я раба того, кто приготовил меня. Я госпожа моего отпрыска. Но он тот, кто породил меня до времени в род рождения. И он мой отпрыск во времени, и моя сила от него. Я опора его силы в его детстве, [и] он посох моей старости. И что он желает, случается со мной. Я молчание, которое нельзя постичь, и мысль, которой воспоминаний множество. Я глас, который многогласен, и слово, которое многовидно». (Стр. 13-14 Кодекса VI).

«Я, я безгрешна, и корень греха произрастает из меня. Я вождение для видения, и душевная сдержанность есть во мне. Я слух, который доступен каждому, и речь, которая не может быть схвачена. Я немая, которая не может говорить, и велико мое множество слов. Слушайте меня в уступчивости и вы получите от меня учение в твердости». (Стр. 19)

Тем не менее, концовка текста четко указывает на перспективу преодоления онтологической и этической двойственности его главной героини:

«Так внимайте, слушающие, и вы также, ангелы, и те, кто послан, духи, которые восстали от смерти. Ибо я то, что одно существует, и нет у меня никого, кто станет судить меня. Ибо много привлекательных образов, которые существуют в многочисленных грехах, и необузданности (мн. ч.), и страстях постыдных, и наслаждениях преходящих, и они схватывают их (людей), пока те не станут трезвыми и не поспешат к своему месту упокоения. И они найдут меня в этом месте и будут жить и снова не умрут». (Стр. 21)

Как же именно пришла София (или любое ее альтер-эго, вроде описанного в «Громе») к этому состоянию двойственности как к результату отпадения от Плеромы?

Прежде всего, не следует забывать о том, что все божества гностической Плеромы андрогинны. В этом коренное отличие гностической космологии от того, что осталось от нее в ортодоксальном христианстве, где и все члены Троицы, и ангелы, и архангелы – все сплошь «мужики» (соответственно, и роль земных женщин в их церквях, как правило, ничтожна и сводится либо к участию в церковных хорах или литургиях в качестве прихожанок, либо к монашеству, но никак не к священнослужению). То есть у каждого из «гностических божеств» есть как мужская, так и женская ипостаси. Валентинианская сизигия София – (Небесный) Христос здесь лишь одна из возможных. Это персонифицированное сочетание идеи Божественной Премудрости и идеи Божественного Спасения для тех, кто нуждается и в том, и в другом; и эти вещи, очевидно, неразделимы.

Божественное Спасение как бы космологически привязано к самому потенциалу отделения, и в этом смысле мы можем сказать, что «ошибка» Софии, приведшая к ее отпадению, в каком-то смысле была предопределена, как предопределены вечные космические циклы духовной инволюции и эволюции всей Вселенной.

Ошибка Софии – это именно то, что гностики противопоставляют мифу о первородном грехе Адама и Евы, в качестве конечного результата приведшего к появлению земного, оказавшегося в рабстве у плотной материи и нечестивых архонтов низших миров человечества.

Единственный гностический текст, подробнейшим образом описывающий историю отпадения Софии от Божественной Полноты (Плеромы) – это Апокриф Иоанна. Безусловно, если не считать совсем ранних текстов, сохраненных Маркионом, в которых т.н. гностический миф присутствует еще в неразвернутом (уровня «только лишь» апостольского откровения) состоянии, то Апокриф – ключевой текст традиции. Его сюжет, впрочем, со строго исторической точки зрения, в отличие от текстов т.н. Маркионова Свода (то есть Евангелия Господня и 10 аутентичных, а именно, в их до-новозаветной редакции, посланий Павла), как и сюжет Pistis Sophia, является вымыслом, как, впрочем, вымыслом конца II – конца III вв. является и некоторая часть текста новозаветных евангелий. Как невозможно поверить в то, что Иисус в Pistis Sophia провел 11 лет у подножия Масличной горы в самом центре оккупированного римлянами Иерусалима после своего телесного воскресения из мертвых в беседах с учениками, так невозможно поверить и в то, что Иисус в Апокрифе Иоанна действительно подробнейшим образом описывал Иоанну, например, то, какой из архонтов сотворил левый мизинец земного человека, а какой – правый. Тем более что Апокриф Иоанна встречается в дошедших до нас коптских переводах с греческих оригиналов в четырех разных версиях, важные детали которых не совпадают.

Но нас интересует в данном случае не историчность: нас интересует миф о Софии. Так вот, отпадение Софии от Плеромы, согласно Апокрифу, произошло не потому, что она этого хотела. По аналогии – мало кто даже из нас, обычных и часто «непросветленных» людей, предложи нам реальный и осознанный выбор, выбрали бы рождение в материальном мире вместо рождения в духовном. Что же тогда говорить о божественной Софии?

Оно произошло потому, что она решила сделать то, что делали все божественные андрогины Плеромы, а именно – породить себе подобных на чуть более нижестоящих духовных уровнях. Разница, однако, в том, что она решила попробовать сделать это в одиночку, без своего небесного Супруга. «Технически», как мы увидим это из текста, сие оказалось возможным (может ли быть вообще что-то невозможное для одной из высочайших богинь вселенной?), но привело к фактическому разрушению ее андрогина, когда ее низшая, творящая, а не покоящаяся ипостась, была низвергнута из Плеромы по той простой причине, что в Плероме всё держится не на своеволии, но на гармонии и сотрудничестве. То есть, можно сказать, что это низвержение Софии Ахамот было предопределено только этим, равно как в целом появление «падших ангелов» и «падших богов» было предопределено вовсе не их нежеланием «жить в Плероме» или какой-то непонятной «склонности ко злу», но их даже всего лишь однократным отказом от кооперации в рамках этой Полноты: своеволием, причем с изначально «благими», творческими намерениями. Читаем об этом в тексте Апокрифа:

«София же Эпинойа, будучи эоном, произвела мысль своею мыслью (в согласии) с размышлением незримого Духа и предвидением. Она захотела открыть в себе самой образ без воли Духа – он не одобрил – и без своего сотоварища, без его мысли. И хотя лик ее мужественности не одобрил, и она не нашла своего согласия и задумала без воли Духа и знания своего согласия, она вывела (это) наружу. И из-за непобедимой силы, которая есть в ней, ее мысль не осталась бесплодной, и открылся в ней труд несовершенный и отличавшийся от ее вида, ибо она создала это без своего сотоварища. И было это неподобным образом его матери, ибо было это другой формы. Когда же она увидела свою волю, это приняло вид несообразный – змея с мордой льва. Его глаза были подобны сверкающим огням молний. Она отбросила его от себя, за пределы этих мест, дабы никто из бессмертных не увидел его, ибо она создала его в незнании. И она окружила его светлым облаком и поместила трон в середине облака, дабы никто не увидел его, кроме святого Духа, который зовется матерью живых. И она назвала его именем Иалдабаоф. Это первый архонт, который взял большую силу от своей матери. И он удалился от нее и двинулся прочь от мест, где был рожден. Он стал сильным и создал для себя другие эоны в пламени светлого огня, (где) он пребывает поныне. И он соединился со своим безумием (жен.), которое есть в нем, и породил власти для себя». (Наг-Хаммади, II, стр. 9-10.)

В дальнейшем своеволие Софии привело к тому, что Иалдабаоф (согласно некоторым интерпретациям, коренящимся в зороастрийской традиции, это имя переводится как Сын Хаоса), прямо отождествляемый гностиками с Яхве (а в тексте Апокрифа Иаве и вовсе лишь ангел Иалдабаофа), уже возомнил себя единственным Богом во вселенной. То есть он уже даже не осознавал себя падшим. А уж затем порожденные им «ангелы», то есть архонты, сотворили земного человека по образу и подобию Небесного Адама, пребывающего в Плероме. Это означает, что этот образ и подобие, или духовная искра, сохранилась не только у «бабушки» земного человечества, Софии, но и практически у каждого из земных людей. Но не у Иалдабаофа. С этой точки зрения, задача Гнозиса – заставить нас вспомнить об этой искре подлинного божества в нас самих.

Дальнейшие злоключения самой Софии Иисус описывает Иоанну в тексте Апокрифа следующим образом:

«Она узнала об изъяне, когда сияние ее света уменьшилось. И она потемнела, ибо ее сотоварищ не согласился с ней». Я же, я (т.е. Иоанн) сказал: «Господи, что это значит: она перемещалась туда и сюда?» Но он улыбнулся (и) сказал: «Не думай, что это так, как Моисей сказал: ‘над водами’». Нет, но когда она увидела злодеяние, которое произошло, и захват, который совершил ее сын, она раскаялась. И забвение овладело ею во тьме незнания. И она начала стыдиться в движении. Движение же было метанием (перемещением) туда и сюда»». (Стр. 13.)

Таким образом, мы видим, что идея покаяния, подробнейшим образом описанная в Pistis Sophia, здесь лишь контурно очерчена (причем, заметим, что то обстоятельство, что покаяние не было одноактным, можно вывести лишь по умолчанию, из множественности злоключений Софии в Местах Хаоса):

«А мать, когда узнала покров тьмы, что не был он совершенным, она поняла, что ее сотоварищ не был согласен с нею. Она раскаялась в обильных слезах. И вся Плерома слушала молитву ее покаяния, и они восхвалили ради нее незримый девственный Дух. Святой Дух излил на нее от их всей Плеромы. Ибо ее сотоварищ не пришел к ней, но он пришел к ней (тогда) через Плерому, дабы исправить ее изъян. И она не была взята в собственный эон, но на небо ее сына, чтобы она могла быть в девятом (эоне снизу) до тех пор, пока не исправит своего изъяна». (Стр. 13-14.)

Текст, который в жанровом и стилистическом отношении является одной большой издевательской пародией на библейскую Книгу Бытия, своеобразно трактует и идею сотворения Евы из ребра Адама. София, которая далее называется Эпиной Света, заронила свою частичку в сотворенного архонтами ее сына (Иалдабаофа) низшего Адама с целью помочь ему впоследствии относительно быстро и безболезненно выкарабкаться из бездн материального Хаоса, однако архонты решили, во что бы ни стало, лишить его этой частички, чему воспрепятствовал уже Христос:

«Тогда Эпиной Света скрылась в нем (Адаме). И протоархонт пожелал извлечь ее из его ребра. Но Эпиной Света неуловима. Хотя тьма преследовала ее, она не уловила ее. И он извлек часть его силы из него. И он создал другой слепок в форме женщины, согласно образу Эпиной, который открылся ему. И он вложил часть, которую взял из силы человека, в женский слепок, и не так, как Моисей сказал: “его ребро”. И он (Адам) увидел женщину рядом с собой. И тогда-то Эпиной Света явилась, и она сняла покров, который лежал на сердце его. И отрезвел он от опьянения тьмой. И узнал он свой образ и сказал: “Так, это кость от моей кости и плоть от моей плоти”. А потому человек оставит отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и станут они двое одной плотью. Ведь пошлют ему его сотоварища, и он оставит отца своего и мать свою... И наша сестра София (есть) та, которая спустилась беззлобно, дабы исправить свой изъян. Поэтому она была названа Жизнью, то есть матерью живых. Из-за Пронойи высшего самовластия и через нее они вкусили совершенное Знание. Я же (то есть Христос – А.М.), Я открылся в виде орла на древе знания, то есть Эпиной от Предмысли Света чистого, дабы научить их и пробудить от сна глубокого. Ибо они оба были в упадке, и они узнали наготу свою. Эпинойа, будучи светом, откры-

лась им, и она пробудила их мысль. И когда Иалдабаоф узнал, что они удалились от него, он проклял свою землю. И он нашел женщину, которая приготовила себя для своего мужа. Он был господином ее в то время, как он не знал тайны, происшедшей из святого совета. Они же боялись хулить его. И он открыл своим ангелам свое незнание, которое было в нем. И он изгнал их из рая, и он окутал их мрачной тьмой. И протоархонт увидел деву, которая стояла рядом с Адамом, и что Эпиноя света жизни открылась в ней. И Иалдабаоф был полн незнания. И когда Проноя всего узнала это, она послала некоторых, и они похитили жизнь у Евы. И протоархонт осквернил ее, и он родил с ней двух сыновей; первый и второй Элоим и Иаве, Элоим с медвежьей мордой, Иаве с кошачьей мордой. Один был праведный, другой неправедный. Иаве он поставил над огнем и ветром, Элоима же он поставил над водой и землей. И их он назвал именами Каин и Авель из хитрости. И по сей день осталось соитие, идущее от протоархонта. И он посеял жажду к порождению в той, кто принадлежит Адаму. И он произвел через соитие порождение в образе тел, и он наделил их своим духом обманчивым. И он учредил над начальствами двух архонтов, так что они могли править над могилой. И когда Адам узнал образ своего предвидения, он породил образ сына Человека. Он назвал его Сифом, согласно порождению в зонах. Подобным образом другая мать послала вниз свой дух в образе, который подобен ей, и как отражение тех, кто в Плероме, с тем чтобы приготовить место обитания для зонов, которые спустятся. И он дал им испить воду забвения, от протоархонта, дабы они не могли узнать, откуда они. И таким образом семя оставалось некоторое время, хотя он помогал в том, чтобы, когда Дух спустится от святых зонов, он мог бы поднять его и исцелить его от изъяна, и вся Плерома могла бы стать святой и без изъяна". И я (то есть Иоанн – А.М.) сказал Спасителю: "Господи, все ли души тогда будут спасены в свете чистом?" Он ответил и сказал мне: "Великие вещи поднялись в твоём уме, ибо трудно обнаружить их перед другими, если не перед теми, кто от рода недвижимого. Те, на кого Дух жизни спустится и будет с силой, будут спасены, и станут совершенными, и будут достойны величия, и будут очищены в этом месте от всего злодеяния и заботы испорченности. И нет у них иной заботы, если не одна нерушимость, о которой они станут заботиться из этого места, без гнева, или ревности, или зависти, или желания, или алчности ко всему. Они не заботятся ни о чем, кроме существования одной плоти, которую они несут, ожидая время, когда они будут встречены принимающими. Таковы суть достойные нерушимой вечной жизни и призыва. Они сносят все и выдерживают все, так что они свершат благое и унаследуют жизнь вечную"». (Стр. 22-26.)

Как и во всех прочих гностических текстах, где вообще поднимается эта тема, сексуальные сцены, в том числе связанные непосредственно с падшей ипостасью Софии, не вызывают ничего, кроме отвращения, что лишний раз подчеркивает аскетический характер гностической доктрины в целом:

«Когда первый архонт узнал, что они (то есть первые люди, сотворенные им и его архонтами) возвышены более, чем он в вышине, и мыслят лучше, чем он, то он пожелал схватить их мысль, не зная, что они выше его в мысли и что он не сможет схватить их. Он держал совет со своими властями, теми, что его силы, и они вместе совершили прелюбодеяние с Софией, и они породили постыдную судьбу, то есть последнюю из оков изменчивых: она такая, что (в ней) все изменчиво. И она тягостна и сильна, та, с которой соединены боги и ангелы, и демоны, и все роды по сей день. Ибо от этой судьбы происходят всякое бесчестие, и насилие, и злословие, и оковы забвения, и незнание, и всякая тяжкая заповедь, и тяжкие грехи, и великие страхи. И таким образом все творение стало слепым, дабы они не могли познать Бога, который надо всеми ними. И из-за оков забвения их грехи утаены. Ведь они связаны мерами, временами, обстоятельствами, между тем как она (судьба) господствует надо всем». (Стр. 28.)

Как мы видели из первых двух вышеприведенных фрагментов Апокрифа, Иисус, как и в Pistis Sophia, где он часто называет себя не Иисусом, но Первым Таинством (копт. муж. pshorp mysterion), здесь, в более раннем по времени написания тексте, уже подчеркивает андрогинную и взаимозависимую природу одухотворенных небес, называя Эпиноей Света не Софию, но Себя Самого. То есть это своего рода ситуация-перевертыш по отношению к тому сюжету, который

мы видели в Евангелии от Фомы, заканчивающемся курьезными словами «Всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в царствие небесное». Таким образом, очевидно, что верно и обратное: Всякий мужчина, ставший женщиной, достигнет Царствия.

Отметим, что, помимо андрогинов, в ряде гностических текстов присутствуют и чисто женские божества, в том числе заимствованные у греческой мифологии: Иоиль, Гипсифрона, Мойра, Имармена и ряд других. Однако у нас сейчас нет времени останавливаться на их роли подробнее, тем более, что в отличие от Софии и ее прямых порождений, их роль в гностических доктринах высвечивается не столь рельефно.

Итак, роль женского начала в христианской гностической традиции – это одновременно и роль духовной инволюции, и роль духовной эволюции. Именно в этом начале заключается причина падения частичек божественного в мир сей (явное исключение составляет лишь «Трехчастный трактат» из Кодекса Юнга, где вместо Софии выступает мужской «Логос»). Однако в нем также и причина противодействия окончательному отпадению от Бога, в нем же и предпосылка к грядущему полному освобождению человечества от уз плотной материи, от забвения собственной природы, от бесконечных перерождений человека в плотно-материальных телах.

- - - - -
* Реконструкцию текста в переводе с греческого см., в частности, здесь:

<http://thelema.ru/library/evangelie-gospodne-markion>

** Переводы всех цитируемых в докладе коптских гностических текстов, кроме Pistis Sophia и Беседы Спасителя, даны по изд. «Апокрифы древних христиан» (М., 1989) в исп. М.К. Трофимовой.

*** Pistis Sophia / Text edited by Carl Schmidt. Translation and notes by Violet MacDermot (Nag Hammadi Studies, 9). Leiden: E.J. Brill, 1978.